

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И ОБЫЧНОЕ ПРАВО ТЮРКСКИХ КАГАНАТОВ

А.А. Васильев

В тюркологической литературе государственность тюрков рассматривается в рамках общей дискуссии о цивилизации кочевников Евразии и специфики кочевой политической организации⁵⁷. Заметное своеобразие степных империй в сфере политической и юридической антропологии поставило уместный вопрос об идентификации политических и правовых структур тюрков с точки зрения современных исторических концепций. Упрощенное понимание тюркских каганатов в контексте формационного подхода вело к двум трактовкам: первобытное общество с зачатками феодализма или раннефеодальное государство⁵⁸. Кризис и распад тюркских каганатов с легкой руки умещался в концепцию государства феодальной раздробленности⁵⁹.

Традиционная для марксистской методологии характеристика тюркских каганатов в качестве разновидности феодальных государств была подвергнута пересмотру и существенным дополнениям в современной литературе о цивилизации кочевников. Тюркская цивилизация, как и другие степные общества, была основана на подчинении власти не территории с людьми, а людей с территорией. С учетом подвижности скотоводов и отсутствия четких границ власть в тюркских каганатах была направлена в отношении людей, а не земли, как это было характерно для западных феодальных обществ. К концу XX в. окончательно сформировалась концепция интерпретации кочевой цивилизации в качестве особой общественно-экономической формации, в основе которой лежал внешнеэкс-

⁵⁶ См. подр.: Тишин В.В. Историография социальной истории тюркского Каганата VI–VIII вв.: автореф. дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.09. М., 2015. 28 с.; Васютин С.А. Власть и социум в кочевых империях Центральной Азии VI — начала XII в.: дис. ... доктора исторических наук: 07.00.03. Улан-Удэ, 2016; Ганиев Р.Т. Восточно-тюркский каганат в Южной Сибири и Центральной Азии во второй половине VI — первой половине VIII вв.: дисс. ... кандидата исторических наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2006. 219 с.

⁵⁸ См.: Крадин Н.Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток, 1992. С. 27–40.

⁵⁹ См. напр.: Плетнева С.А. Кочевники Средневековья: поиски исторических закономерностей. М., 1982. С. 128, 133.

плуатационный тип экономики — принуждения другого народа к изъятию необходимых ресурсов (прибавочного продукта). При этом учеными подчеркивался тупиковый путь тюркской империи с точки зрения социальной эволюции⁶⁰.

Долгое время барьером для верной трактовки кочевых политических структур была идеологема о деспотии степных империй, обусловленная внешним взглядом наблюдателя. Для Китая и западной цивилизации тюркский каганат выглядел как военная организация для нападения и изъятия ресурсов оседлых земледельческих народов. На самом деле во внутренней своей организации тюркская империя представляла собой слабоцентрализованную организацию отдельных племен. В тюркских каганатах отсутствовали эксплуатация скотоводов, налогообложение, ораны публичной власти и господствовали родоплеменные отношения⁶¹.

Наряду с отмеченным историки тюркской цивилизации отрицают наличие государства как такового в период первого и второго тюркских каганатов⁶². Более уместным исследователи полагают относить тюркские политические объединения к особо рода протогосударственным образованиям: потестарным обществам в форме вождества и особых политий (конфедерация племен). Н.Н. Крадин предложил называть такие степные организации власти супервождествами, не отождествляя их с государствами с бюрократическим аппаратом⁶³.

Тюркская организация власти лишена обязательных атрибутов государственной власти.

Во-первых, военная организация тюркских номадов была начисто лишена гражданского бюрократического аппарата на имперском уровне. В тюркских каганатах функции власти ограничивались организацией войны и распределения военной добычи и подарков от китайских императоров. Сколько-нибудь значимых гражданских функций власть кагана и его служилой элиты не выполняла. Есть серьезные основания полагать, что даже правосудие отправлялось не кага-

⁶⁰ См. подр.: Крадин Н.Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток, 1992. С. 191.

⁶¹ Элита в истории древних и средневековых народов Евразии / под ред. П.К. Дашковского. Барнаул, 2015. С. 108.

⁶² Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. Алма-Аты, 2007. С. 29.

⁶³ Крадин Н.Н. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995. С. 11–61.

ном и им уполномоченными лицами, а на низовом уровне в вождествах локальных племен. Так, по мнению Ю.А. Зуева, за каганами «закреплялась только исполнительная военная функция»⁶⁴.

Во-вторых, тюркским каганатам не было свойственно налогообложение населения. Добыча от военных набегов и подарков китайских императоров выступала внешним источником прибавочного продукта, средством выживания номадов в условиях рисков скотоводства и основой власти кагана и его дружины⁶⁵.

В-третьих, в тюркском каганате не сформировалось общее для всех тюрков право, а сам каган не был источником единого государственного права для своих соплеменников. Отсутствуют в источниках сведения даже о попытках разработки единых законов для тюркской империи⁶⁶.

Все это наряду со спецификой организации власти в тюркских каганатах расценивается историками как основание утверждать, что тюркские политические образования не могут быть квалифицированы в качестве полноценных государств и скорее могут пониматься в качестве особых кочевых вождеств или своеобразных конфедераций тюркских племен (тюркское «эль») временного характера, построенных на престижной экономике и отличающихся крайней нестабильностью⁶⁷.

Тюркская политическая организация характеризовалась следующими чертами:

1) тюркские каганаты представляли собой объединение множества тюркских племен для ведения войны и дистанционного управления оседлыми народами других цивилизаций с целью получения необходимых ресурсов⁶⁸;

2) тюркские каганаты контролировали Шелковый путь, обеспечивали торговлю народов Евразии и тем самым выступали проводниками межкультурной коммуникации, передачи различного, в том числе политико-правового опыта

⁶⁴ Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии: монография. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. С. 88.

⁶⁵ Васютин С.А. Власть и социум в кочевых империях Центральной Азии VI — начала VII в.: дисс. ... доктора исторических наук. Кемерово, 2016. С. 385.

⁶⁶ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I–II. М., 1950. С.230.

⁶⁷ Васютин С.А. Концепты «Вождество» и «Государство» в оценке политических институтов ранне-средневековых империй Центральной Азии // Вестник КемГУ. 2016. № 4 (68). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepty-vozhdestvo-i-gosudarstvo-v-otsenke-politicheskikh-institutov-rannesrednevekovykh-imperiy-tsentralnoy-azii>

⁶⁸ Кочевники и внешний мир. Изд. 3-е, доп. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. С. 398–400.

между народами. Исследователи назвали такую политическую традицию «порядком ради торговли»⁶⁹;

3) тюркские каганаты держались только на военных успехах каганов, способности получать подарки от Поднебесной. Соответственно, власть каганов была весьма неустойчивой и зависела от его личных качеств⁷⁰;

4) тюркские каганаты отличались слабой централизацией и сильным развитием низовых социальных и родовых связей⁷¹. Как следствие, политическая слабость и нестабильность тюркской верховной власти угрожала кризисом и распадом каганата, что и произошло с Первым и Вторым тюркским каганатом;

5) центральная власть в каганатах была представлена каганом и военной элитой. На местах широкой автономией пользовались локальные князья и региональные элиты.

Особый евразийский по географическому положению и социокультурному общению мир тюркской цивилизации вбирал в себя господствующие политико-правовые сюжеты и практики. Так, имперские идеалы, иерархическое строение, титулатура, сакрализация власти кагана были восприняты тюрками от жуаньжуней. Отдельные формы внешнего богатства и церемониала тюркские правители переняли от Китая⁷².

Политическое устройство тюркской империи включало в себя следующие компоненты.

Во-первых, на вершине тюркских каганатов возвышалась фигура кагана. Каган как военный вождь тюрков отличался следующими признаками:

1) сакрализация власти кагана. Каган воспринимался как сын неба — Тенгри, посредник высшей силы и народа. Не случайны в этом отношении ритуалы участия кагана в общении тюрков с Тенгри во время праздников и раздачи подарков;

⁶⁹ Чернышов С.А. Тюркские политические традиции в системе организации власти русского государства и сибирского ханства как фактор их успешной интеграции в XVI – XVII вв. // Идея и идеалы. 2018. № 4. С. 139.

⁷⁰ Жумаганбетов Т.С. Власть кагана в древнетюркской государственной организации // Вестник ЧелГУ. 2008. № 34. С. 15.

⁷¹ Чернышов С.А. Тюркские политические традиции в системе организации власти русского государства и сибирского ханства как фактор их успешной интеграции в XVI–XVII вв. // Идея и идеалы. 2018. № 4. С. 142.

⁷² Васютин С.А. Власть и социум в кочевых империях Центральной Азии VI — начала VII в.: дисс. ... доктора исторических наук. Кемерово, 2016. С. 188.

2) значительная роль харизмы кагана, его личных качеств как полководца и организатора военных походов и принуждения оседлых земледельцев Китая и покоренных народов к подаркам под угрозой набегов;

3) несмотря на сакральность власти кагана, его статус зависел от успехов военных походов и получения добычи для раздачи знати и простым воинам, а также от благосостояния скотоводов в условиях засухи, джупов, болезней и падежа скота. Отсутствие военных успехов и потеря прибавочного продукта за счет оседлого народа приводили к краху власти кагана и избранию нового лидера. Природные катаклизмы и неспособность к добыче ресурсов могли приводить к насильственной смене кагана или даже его убийству воинами;

4) вся власть кагана держалась в рамках престижной экономики на раздаче подарков и поддержании лояльности знати и простых воинов. Для кагана было жизненно необходимым быть щедрым, чтобы поддержать свой статус среди соплеменников. По сути наиважнейшей функцией кагана была редистрибутивно-репродукционная роль: распределение добычи и подарки воинам. В то время как для Китая каганы считались скупыми и жадными, на самом деле его власть была прямо пропорциональна щедрости. По подсчетам историков, 40% военной добычи или подарков (выгод от контроля торгового пути) распределялись между воинами в тюркских каганатах. С.А. Васютин весьма точно указывает: «Щедрость правителя, выполнение им функций редистрибутора-распределителя. Данная сфера была тесно связана с другими сакральными сферами (божественным благословением и военными успехами, в результате которых каган получал добычу и дары), однако выполняла вполне самостоятельную роль и опять же зависела от реальных практик конкретного правителя. Поддержание престижа на внутреннем уровне с помощью раздач шелка, зерна, других продуктов и изделий, пиров в кочевых империях стало частью повседневного быта правителя. Однако такая деятельность в основном была направлена на военно-аристократическое окружение кагана и наиболее влиятельных бегов⁷³;

⁷³ Васютин С.А. Тюркский каганат // Кочевые империи Евразии: особенности исторической динамики / под ред. Б.В. Базарова и Н.Н. Крадина. М., 2019. С. 188–190.

5) каган мог разрешать споры между своими приближенными и представителями региональных элит, но функция правосудия и выработка общего государственного права для него не были характерны. Правосудие большей частью осуществлялось региональными элитами на основе обычного права⁷⁴.

Во-вторых, на общеимперском уровне выполнение ряда организационно-управленческих функций было вверено отдельным приближенным и родственникам кагана, а также назначенным им лицам. Следует подчеркнуть, что обособление данной категории управленцев невозможно признать аппаратом чиновников, характерным для государства. Функционал данного круга лиц предопределялся военно-политическими задачами и функциями распределения ресурсов. По мере роста тюркской империи рос круг задач и соответствующих лиц.

Прежде всего, Первый тюркский каганат был поделен каганом Таспаром на центр и крылья. Центром управлял сам каган, а крылья находились в ведении его ближайших родственников. Вторым лицом после кагана был ябгу, который не мог быть преемником кагана. Компетенция ябгу не была четко определенной и лишь после некоего обособления западной части тюркского каганата он стал трансформироваться в правителя западной части империи.

Особое место в управлении Тюркским каганатом занимали малые каганы, или эв-каганы, чьи функции менялись на протяжении истории тюркской империи. По данным С.А. Васютина, малыми каганами могли быть: ябгу и шад; удельные князья; старшие сыновья кагана; претенденты на власть, оказавшиеся вне лестничной системы; реальный управленец и военачальник при кагане — духовном отце. На первом этапе развития тюркской империи малые каганы были правителями отдельных крыльев, а позднее — имперскими князьями (наследниками), которым выделялся удел в управление. В любом случае малые каганы были руководителями в территориальном аспекте⁷⁵.

Наследники престола назывались титулом тегин. Правители уделов империи — шады, в руках которых находились военные и административные функции. Отдельно стоит упомянуть круг придворных чиновников. Китайские источники упоминают такие придворные должности, как виночерпий (им мог быть только один из сыновей кагана), конюший, личная гвардия или охрана кагана

⁷⁴ Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего Средневековья (отечественная историография и современные исследования): монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 320.

⁷⁵ Васютин С.А. Власть и социум в кочевых империях Центральной Азии VI — начала VII в.: дисс. ... доктора исторических наук. Кемерово, 2016. С. 192–193.

(волк в китайской версии), лицо, надзирающее за соблюдением закона⁷⁶. Высокопоставленные вельможи носили имя тарханов. Отдельно выделялся суни, который заведовал армией. На низовом уровне действовали тутуки — представители центральной власти в племенах. Всего насчитывают 28 классов в управленческой иерархии, а сами должности носили наследственный характер⁷⁷.

Несмотря на достаточно разветвленную иерархию в военно-административном аппарате тюркских каганатов, указанные лица не относились к чиновникам в традиционном смысле слова. Деятельность этих лиц была ограничена задачи военного управления и обеспечения подчинения отдельных племен и консолидации тюрков в единый каганат. Каких-либо гражданских и специализированных функций круг этих лиц не выполнял.

Подытоживая в части политического устройства тюрков, можно отметить неизбежность распада тюркской империи. Принципы построения тюркских каганатов (слабая централизация, опора на личные качества кагана и военные успехи, сильная децентрализация на местах вкупе с территориальным разобщенностью и зависимостью от природных условий кочевников, перепроизводство элиты из правящего рода каганов) не могли обеспечивать длительное политическое существование империи. Существующая политическая организация тюрков закономерно приводила к кризису власти и децентрализации империи, выходу на историческую сцену отдельных племен (теле, уйгуров) и борьбе родов за власть.

Интересную позицию в трактовке политического устройства кочевых обществ Центральной Азии и в том числе тюркских каганатов занимает С.А. Васютин. По мнению историка, в тюркских каганатах еще не сложилось государственности, но при этом наблюдается многокомпонентность и сочетание трех форм потестарно-политической организации:

- 1) архаичная (клановая) форма управления, характеризующаяся преобладанием кланово-родовых принципов организации власти, доминированием кагана как главы линиджа, престижной экономикой, ролью кагана в качестве реципрокатора и редистрибутора, регуляцией отношений в каганате с помощью обычного права;

⁷⁶ Васютин С.А. Власть и социум в кочевых империях Центральной Азии VI – начала VII в.: дисс. ... доктора исторических наук. Кемерово, 2016. С. 194–195.

⁷⁷ Там же. С. 196.

2) вождество (надплеменное объединение), включающее в себя военно-иерархическую систему управления в центре и территориальное представительство в племенах на местах, появление надплеменного лидера, сочетание имперской и клановой сакрализации;

3) раннегосударственные элементы управления: кодификация обычного права, расширение полномочий кагана, вертикальное подчинение и жесткая дисциплина, монополия на распределение ресурсов класса служилых и родственных кагану лиц, появление письменности в политической практике, формирование идеологических конструкций и национальных образов общего народа империи «эль» и др.⁷⁸

В полемике право Тюркских каганатов, вероятно, самая сложная и масштабная проблема, так как принято делить историю тюркского права на следующие периоды: центральноазиатский, исламский, сельджукский, османский.⁷⁹

Сведения о праве тюрок крайне скудны и отрывочны. В основном описание обычаев тюрок встречается в китайских летописях и зачастую историки пытаются реконструировать древнее обычное право по более современным обычаям тюркских народов. Тем не менее ясно то, что в тюркских каганатах отсутствовало единое писаное право, а быт племен подчинялся обычному праву. Сведений о кодификации и переходе тюрок к писаному праву история не оставила и судя по всему для этого не было необходимых предпосылок: слабая политическая централизация, отсутствие административного права, медленное развитие торгово-экономических отношений среди тюрок-скотоводов.

Обычное право тюрок в период каганатов характеризовалось следующими чертами:

1. Устная традиция права, когда обычаи представляли собой фактически повторяющиеся действия членов рода и передавались из уст в уста (письменная фиксация правил поведения отсутствовала).

2. Обычное право основано на авторитете предков и силе традиции⁸⁰.

3. Обычное право проистекало из родоплеменной организации тюрок и, соответственно, регулировало семейные, имущественные, земельные отноше-

⁷⁸ Васютин С.А. Власть и социум в кочевых империях Центральной Азии VI — начала VII в.: дисс. ... доктора исторических наук. Кемерово, 2016. С. 188.

⁷⁹ См. подробнее: Садри Максуди Ареал. Тюркская история и право / пер. с турецкого языка Р. Мухамметдинова. Казань: Фэн, 2002. 412 с.

⁸⁰ Правовые обычаи Горного Алтая, Китая и Монголии. Коллективная монография. Барнаул, 2013. 231 с.

ния внутри племени (правила в сфере половозрастной организации племени, отношения собственности в отношении скота и лошадей, пастбищ и иного имущества). По сути дела, обычное право затрагивало частно-правовую сферу и не касалось публичных аспектов. Отчасти обычное право затрагивало порядок перехода власти кагана (лествичная система: по старшинству в роде) и церемонию возложения власти на кагана⁸¹. Сфера принципов и норм организации верховной власти тюрков называлась *торе*⁸².

4. Обычное право было формой сохранения опыта и традиций, преемственного и циклического развития тюркского мира⁸³.

5. Исполнение обычного права держалось на механизмах общественного принуждения и сама тюркская община была законодателем норм обычного права. В этом и состояла сила обычного права, поскольку субъект и объект правотворчества совпадали и политическое отчуждение отсутствовало (народный, демократический характер обычного права).

6. Для обычного права был характерен синкретизм, единство норм морали, религии, ритуалов и правовых норм (мононормы по концепции А.И. Першица), которые на этой стадии эволюции кочевых обществ еще не дифференцировались на отдельные правила поведения⁸⁴.

7. Обычное право обеспечивало сплоченность, консолидацию общества кочевников, выступало средством самоорганизации и выживания племени.

Таким образом, неписаное право древних тюрков можно разделить на две подсистемы:

- *торе*, которое регулировало вопросы организации верховной власти;
- совокупность правил организации родоплеменной жизни (право личного статуса), которые сочетали в себе правила морали, религии и права (наследование, семейные отношения, режим земли и оборота вещей).

⁸¹ Садри Максуди Арсал. Тюркская история и право. Казань, 2012. С. 211.

⁸² Трепавлов В.В. Төрү у древних тюрков и монголов // Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии: информ. бюлл. 1991. Вып. 18. С. 19–30.

⁸³ Ковлер А.И. Антропология права. М., 2019.

⁸⁴ История первобытного общества. Общие вопросы, проблемы антропосоциогенеза. М., 1983; Першиц А.И. Проблемы нормативной этнографии // Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 210–240.